

Лукашевич Платон Акимович

**Мнимый индо-германский мир, или
Истинное начало и образование языков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
ПЗ7

ПЗ7 **Платон Акимович Л.**
Мнимый индо-германский мир, или Истинное начало и образование языков / Лукашевич Платон Акимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 583 с.

ISBN 978-5-519-94045-0

ISBN 978-5-519-94045-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тикѣ или какомъ нибудь полуученомъ и ученомъ предметѣ, тамъ, мало сказать, находится третья часть словъ Французскихъ, затѣмъ слѣдуютъ уже Латинскія, Нѣмецкія, Англійскія и т. д. Мы смѣялись нѣкогда надъ иностранными словами, введенными въ нашъ языкъ въ первой половинѣ XVIII вѣка: асамблея, элоквенція, баталія; что же они значатъ противъ нынѣшнихъ: инициатива, культура, интеллигенція, прогрессъ, гуманность, цивилизація, сезонъ, сезонъ, фактъ, эффектъ, результатъ, объектъ, субъектъ, рутиня, реальный, нормальный, актуальный, социальный, популярный, національный, индивидуальный, элементарный, словомъ сказать, что значатъ прежніе иностранные слова противъ всего Французскаго словаря, введеннаго въ нашъ языкъ? Вотъ какъ мы его усовершенствовали: введи, не трудясь, въ свой языкъ все, какія кому угодно иностранные слова, да и дѣло въ шляпѣ. Не имѣя ничего, кромѣ пустоты, каждый желаетъ прослыть Геростратомъ. Точно такимъ образомъ мы приняли тысячи оборотовъ и выраженій Французскихъ (галлицизмовъ), Нѣмецкихъ, по ни одного своего. Кто поручится, что чрезъ другіе тридцать лѣтъ все эти иноплемennыя слова не пойдутъ въ простонародный нашъ языкъ, который въ продолженіи этого времени приметъ еще болѣе тѣмъ инородныхъ словъ, и тогда прощай на вѣки чистота языка Русскаго. Тутъ ужъ не пособитъ никакая въ мірѣ элоквенція. Это выйдетъ чудовище: и обло, и слѣпо, и глухо, и нѣмо. Катай во всю Ивановскую, да и только. Теперь послушайте о чемъ угодно нашу ученую лекцію, вы подумаете что ее читаетъ только что пріѣхавшій изъ Парижа гувернеръ, какой нибудь мосе Гренусье, который передъ своими ученицами объясняетъ урокъ на Французскомъ языкѣ, съ притачкою къ нему Русскихъ окончаній, обдавая слушателей гдѣ-не-гдѣ несчастными Русскими словами и то сказанными не впопадъ. Куку! Vive la France!

Сверхъ того Западные языки Европы представляютъ едва ли не единственный въ своемъ родѣ Латинизмъ, а правильнѣе Славинизмъ: въ допущеніи двухъ согласныхъ буквъ въ началѣ словъ (особенно *br, pr, gl, kl, fl, fr*), т. е. слѣдующая за ними гласная прилагается ко второй согласной, между тѣмъ какъ въ Монгольскихъ языкахъ она обыкновенно поставлена послѣ первой согласной.

При изслѣдованіи началъ языковъ Западно-Европейскихъ открываются два главнѣйшія положенія: 1-е) то, которое принадлежитъ ко всеобщему Славянскому чаромагію и 2-е) свойственное преимущественно языкамъ Монгольскимъ.

Къ первому принадлежитъ:

- a) переходъ и превращеніе буквы *g* въ *d*, *k* въ *t* и обратно;
- b) опущеніе, въ нѣкоторыхъ словахъ, буквы *g* (*u*) или же принятіе *o* (*oi*);
- c) въ переходѣ буквы *m* (*n*) въ *v* и обратно.

Ко второму относится:

- a) въ переходѣ буквъ *s* или *ch, sch, sh* (*m*) въ *t* и обратно;
- b) непосредственный или крутой переходъ буквы *m* (*n*) въ *b*, подобно какъ въ Татарскихъ нарѣчіяхъ слова: *бузь, бусь* и *мусь* означаютъ ледъ; *біюсь, міюсь, рогъ; ямаръ, ябаръ*, какой, по Монгольски (Ковал., 2292). Этихъ свойствомъ я мало пользовался, но поставлю его на видъ будущимъ изслѣдователямъ.

c) Къ сему разряду принадлежитъ необыкновенное свойство Монгольскаго языка (и преимущественно ученаго), по коему, въ нѣкоторыхъ словахъ его, въ срединѣ словъ вставляются, неизвѣстно почему, добавочные слоги: *ge, ga, go, gu*. Это свойство лучше всего сохранилось въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ въ средину многихъ его словъ между гласною и согласною вставляется придыхательное *h*, наприм.: *Fahl, Fahn, Fahnle, Fahlg, Fehl, Föhl, Folge* и проч. Должно прибавить, что Нѣмцы слогъ *ge* весьма близко произносятъ къ звуку *hэ, аэ*, такъ что Славянину трудно его выговорить. Кромѣ этого вотъ полный примѣръ: Англ. *Sail* и Нѣм. *Segel*; Франц. *quille* и Нѣм. *Kegel*; Франц. *querelle* и Монгольское *кэрэуль*, брань, и Калмыцкое керюль, драка. Англ. *gain* (рентъ), доходъ, и Нѣм. *Regen*; Англ. *lair* (лерь) и Нѣм. *Lager*, Тунгузское: улагеръ; Англ. *hail* (гелъ) и Нѣм. *Nagel*; Англ. *queen* и Монгольское ханъ и хазанъ, король, монархъ (Ковал., 718, 732); Нѣм. *hager*, худощавый и Монгольское хаугазаръ, высокій ростомъ и худощавый (Ковал., 728); Англ. *pail* (нелъ) и Нѣм. *Nagel*; Англ. *wain* (вентъ) и Нѣм. *Wagen*.

d) Другое по мнѣнію мудреое и необыкновенное свойство Монгольскихъ языковъ — это переходъ въ началѣ словъ буквъ *s* или *sch*, когда онѣ стоятъ передъ согласною,

въ гласную о или і и даже въ а и обратно. Въ слѣдствіе чего многія Латинскія слова, вошедшія во Французскій языкъ, подверглись этому правилу, нацримъ:

Латинскія:	Французскія:
Spissus—	épais,
sparsus	épars,
spinarium	épinards,
spina	épine,
spiculum	épingle,
stamen	étamino;

Англ. span, Нѣм. spanne—Франц. *strap*; Итал. *speron*—Франц. *éperon*; Англ. stock, племя, родъ—Монгол. отокъ, племя, поколѣніе народа (Монголь. Слов. Шмидта, 59).

Если Французскій языкъ въ семь случаевъ отвергаетъ букву, s, обращая ея въ е, то напротивъ того Нѣмецкій полностью принимаетъ s или sch (ш); въ такомъ разѣ, точно такія же слова въ Восточныхъ Монгольскихъ нарѣчіяхъ превращаютъ эти самыя s, sch въ гласныя, какъ это можно видѣть ниже въ самомъ словарѣ.

Это тѣ основанія, которыми я руководился. Безъ нихъ мнѣ было далеко пропикнуть въ свойства и образованія языковъ Монгольскихъ; безъ нихъ мой успѣхъ по былъ бы такъ удаченъ и значителенъ.

Нынешній мой трудъ есть живое преданіе о переселеніи различныхъ Монгольскихъ и Манчжурскихъ племенъ въ Западную Европу: оно именно начинается съ тѣхъ временъ, о которыхъ исторія молчитъ или говоритъ самымъ противорѣчащимъ и неопредѣленнымъ образомъ. Изъ ея свидѣтельствъ и выѣстъ противорѣчій, не имѣя *главнаго основанія*, ничего нельзя вывести. А сіе-то основаніе и безъ помощи исторіи теперь находится передъ читателемъ. Да! дѣло говоритъ само о себѣ ясно, непротиворѣчно, а главное, неопровержимо. Здѣсь ужъ всеразрушающаго заключенія: „быть можетъ и можетъ быть“ —не можетъ быть. Опровергните одно слово, а сотни другихъ неопровержимыхъ уничтожаютъ всякое сомнѣніе. Тутъ должно имѣть дѣло не съ десятками, а съ тысячами словъ; подобный подвигъ будетъ напрасенъ и смѣшонъ, а болѣе недобросовѣстенъ. Исторіею мы можемъ вертѣть какъ угодно, но съ филологіею, какъ съ наукою точною, такъ управиться невозможно. Въ языкахъ народныхъ кроется истинная исторія его происхожденія и образованія, но какъ взяться и съ какой стороны првступать къ нимъ безъ предварительныхъ знаній общихъ правилъ составленія рѣчи человѣческой, а потомъ частныхъ, по племенамъ, въ этомъ-то и задача состоитъ.

Здѣсь не могу пройти молчаніемъ „повѣсти“ о моемъ трудѣ. Нѣмецкій языкъ не представлялъ мнѣ никакого затрудненія: это простой сводъ языковъ Сибири или, лучше сказать, Монгольскихъ. Латинскія слова въ немъ принятыя, а равно и Славянскія, которыя раньше первыхъ вошли въ него, мнѣ не трудно было отдѣлать: сихъ послѣднихъ не такъ много, а въ Шведскомъ и Англійскомъ языкахъ ихъ находится, повидимому, болѣе. Совѣсть другое дѣло мнѣ было съ Французскимъ языкомъ. Долго я не рѣшался его пересмотрѣть. Ученныя знаменитости его воздѣлали, взлелѣли, со всѣхъ четырехъ сторонъ осматрѣли, объяснили и поставили высоко на ходули, приставивъ къ нему постоянную стражу изъ сорока академиковъ, которые, подобно стоокому Аргусу, защищаютъ его отъ всякаго дерзкаго нахала, который бы отважился поближе разсмотрѣть его и изобличить чванство и невѣжество, возведшихъ его на такую мнимо-недоступную для другихъ языковъ высоту; придумали ему, по утонченнымъ правиламъ лжи, самое благородное въ мірѣ происхожденіе, какого Калмыканъ Клодіона и во снѣ не грезилось. По этому всякій смѣльчакъ, рѣшившійся разоблачить этотъ шапкеинъ, чучело, по дѣломъ былъ бы осмѣянъ всѣмъ Парижемъ, слѣдовательно и цѣлымъ свѣтомъ. Но, окончивъ изслѣдованіе Нѣмецкаго языка и его нарѣчій, я увидѣлъ, что къ этой угрожающей рѣкѣ, поглотившей Западныхъ Славянъ, не достаетъ еще одной важной рѣчки, именно Французскаго языка. На это изслѣдованіе еще тѣмъ болѣе я имѣлъ права, что сами же Французы, неизвѣстно почему, производятъ предковъ своихъ Франковъ и ихъ языкъ отъ Нѣмцевъ. Объ этомъ знаютъ всѣ ихъ академики, а я рѣшительно этого производства не понимаю и не могу понять. Посему по праву ли или не по праву, по просьбѣ или не по просьбѣ, я взялъ словопроизводные словари Французскаго языка, и что же въ нихъ отыскалъ? Выѣсто настоящихъ изслѣдованій одну ложь, мишуру и пустословіе. Производство множества Французскихъ словъ отъ Греческаго языка есть сущая поэзія академиковъ, дѣтскія по-

бракушки. Незначительная Греческая колонія въ Марсели, чортъ знаетъ когда существовавшая, своимъ Аѳинскимъ языкомъ вскружила головы составителямъ Французскихъ корнеслововъ. А развѣ у насъ на Югѣ Россіи мало было Греческихъ колоній? Онѣ столь же давно погибли какъ и Марсельская съ тою только разницею, что наши Русскіе ученые за нихъ не вѣѣвились и не производятъ Русскаго языка отъ языка поселенцевъ какой нибудь Ольвіи или Херсонеса Таврическаго. Французскій языкъ столько же обязанъ своимъ началомъ Греческому какъ и Камчадалскій. Затѣмъ Французскіе этимологи особенно ударяютъ на Латинскій языкъ: но съ нимъ тоже вышло, что и съ Греческимъ. Большая часть сихъ производствъ ложна. Теперь можно сравнить ихъ съ указаннымъ здѣсь настоящимъ источникомъ происхожденія коренныхъ Французскихъ словъ, и тогда можно убѣдиться, какъ легко ученые злоупотребляли довѣріемъ публики. За сими слѣдуетъ третій отдѣлъ Французскаго словопроизводства, именно отъ такъ называемыхъ словъ Латинскаго языка среднихъ вѣковъ; эти слова составлены по большей части самими же Франками и почти всѣ происхожденія Калмыцкаго. Въ недавнее время Французы начали обращать вниманіе на слова, вошедшія въ ихъ языкъ изъ языковъ Турецкаго, Арабскаго и нынѣшняго мнимаго Персидскаго: по Пигану *) ихъ оказывается до семи сотъ, но еще не всѣ сосчитаны. Если изъ сего числа мы исключимъ 300 словъ, вошедшихъ въ новѣйшее время во Французскій языкъ, то собственно ему принадлежащихъ выйдетъ не болѣе 400: все таки это довольно значительное количество; къ тому же эти слова чисто коренныя, не заимств. Еще не имѣя у себя этого словарчика г. Пигана, я началъ пересмотръ Французскаго словаря по свдому. Сначала я не могъ безъ смѣха просматривать Французскаго словопроизводства; за сими удовольствіемъ свое любопытство, я сказалъ: вотъ сущее столпотвореніе Вавилонское; подобнаго смѣшенія ни въ одномъ на свѣтѣ языкѣ я не знаю; вотъ тотъ истолченный языкъ, который намъ навязываютъ съ дѣтства!

Прежде всего я разсмотрѣлъ Европейское его отдѣленіе: оно очень тѣсно, это привитыя Латинскія слова, взятыя частью по сліянію Франковъ съ Римлянами, а частью отъ ихъ пѣковаго употребленія, и за тѣмъ остальная часть его состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ словъ древняго Славянскаго языка, которыми говорили Галлы, туземцы нынѣшней Франціи, послѣ владычества Римлянъ въ конецъ добытые Франками за то, что не знали, какъ защитити себя и свое отечество. Отъ всего этого пересмотра Французскій языкъ, такъ сказать, не двинулся и на десятую часть и остался въ своемъ составѣ цѣлъ и невредимъ. Въ такомъ разѣ нужно было отправиться въ Сирію и въ Аравію: здѣсь дѣло пошло усилѣннѣе, а особенно при помощи Татарскаго языка Киргизскихъ степей. Это послѣднее обстоятельство мнѣ показалось странностію: какъ можно допустить въ благороднѣйшій языкъ въ мірѣ цѣлую орду Киргизскихъ и Башкирскихъ словъ! Но погодите: это только цвѣточки, а ягодъ еще нѣтъ. Въ негодованіи, я мысленно прогналъ эту дикую орду изъ Французскаго языка и принялся за языки мнимо-Персидскій и Арабскій; я рѣшился идти путемъ, проложеннымъ Французскими академиками.... При этомъ второмъ изслѣдованіи, я отыскалъ во Французскомъ языкѣ еще нѣсколько Персидскихъ и Арабскихъ словъ, которыя неизвѣстны были г. Пигану. Но дѣло на этомъ и остановилось: знаніе происхожденія и свойствъ Французскаго языка подвинулось опять на одинъ шагъ впередъ и не болѣе того. Это было для меня загадочно. Кажись, я сдѣлалъ все, что и другіе, и даже болѣе, а выводы труда моего вышли самыя ничтожныя; хотя уже онъ и раздѣлился на четыре или на пять отдѣльныхъ языковъ, но главный изъ нихъ шестой, Французскій, остался нетронутымъ. Говорить, что языки Италіанскій, Испанскій, Португальскій и даже Французскій непосредственно происходятъ отъ Латинскаго; но откуда же въ нихъ явился *Арабскій членъ* (l'article)? Этотъ членъ рѣшительно извратилъ въ сказанныхъ языкахъ смыслъ Латинской грамматики, слѣдовательно и внутренній механизмъ Латинскаго языка до совершеннаго его неузнанія. Вѣдь подобный необыкновенный переворотъ въ языкѣ Римлянъ не могъ упасть на землю вмѣстѣ съ дождемъ, а имѣлъ единую, общую историческую причину. Вотъ что значить зарыться въ Греческіе и Латинскіе фоліанты, словари и грамматики, да и спать спокойно. Пора, пора господа пробудиться; полно-те возлегать на чужихъ лаврахъ!

Извѣстно, что во времена Римской имперіи Италія была раздроблена на множество помѣстій, принадлежавшихъ знатымъ патриціямъ или Римскимъ гражданамъ; эти помѣстья были не то, что Греческія колоніи, въ которыхъ жили свободные граждане, а

*) Glossaire des mots Français tirés de l'Arabe, du Persan et du Turc, par Pihan. Paris, 1847.

населены были сплошь рабами-военнопленными или ихъ потомками, или же купленными рабами, которыхъ преимущественно привозили, какъ стада овецъ, изъ Африки и Сиріи, а въ высшей степени это повторялось послѣ взятія Кароленга и огромныхъ завоеваній въ Азіи. Тогда въ этихъ помѣстьяхъ были собственно Римляне только прикащиками и дозорщиками рабовъ, а главное ихъ населеніе состояло изъ Арабовъ и Сирійцевъ, народовъ тоже Сибирско-Монгольскаго происхожденія. Въ этихъ-то помѣстьяхъ между повелителями и рабами необходимо долженъ былъ составиться условный языкъ, въ родѣ того, какой у насъ употребляютъ въ Кяхтѣ Русскіе купцы при сношеніи съ Китайцами или Русскіе промышленники при сношеніи съ Сибирскими полудикими народами. Такъ какъ Арабское населеніе Италіи далеко превышало малочисленное и разсѣянное тамъ и сямъ Римское, то, разумѣется, въ теченіи вѣковъ, составилъ смѣшанный языкъ; въ немъ слова, какъ основатели и представители языка, остались по большей части Латинскія, а грамматическія его формы, какъ двигопріятели мыслей члѣовѣка, упали на долю рабовъ или исполнителей.

Точно на такихъ основаніяхъ Римляне заселили Иберійскій полуостровъ и Галлію: туземцы сихъ странъ (Славяне) частію обращены были въ рабство, а частію постепенно выживались изъ своего отечества и въ послѣдствіи совершенно уничтожились. Такъ образовался и нынѣшній Французскій языкъ въ своихъ грамматическихъ формахъ, но съ особенными Калмыцкими, Манжурскими, Китайскими и другими приностями. Дикіе Франки не могли совершенно сохранять свой языкъ и смѣшали его съ условнымъ языкомъ Римскихъ рабовъ; этому много способствовало всеобщее введеніе у нихъ тогдашняго Латинскаго языка. Такъ точно образовался подобный же смѣшанный народъ Валахи или Румыны. Языкъ ихъ имѣетъ тотъ же Арабскій членъ, но нѣсколько измѣненный, а въ составѣ его замѣтно большое вліяніе языка Парскаго (мнимо-Персидскаго, Монголо-Татарскаго) *). Что же касается до члена Нѣмецкаго языка *der*, то это есть Монгольское и вмѣстѣ Манжурское *tere*, этотъ, сей, тотъ; членъ Англійскаго языка *the* = *ta*, онъ, она; это, сіе, по Китайски (*Roehet*, 109); эде, они, сіи, по Монгольски (*Шимдтъ*, 33). Я полагаю, что на крайнемъ Востокѣ Сибири или по р. Амуру находится племена Манжурскія или Монгольскія, которыя въ своемъ языкѣ тоже употребляютъ членъ. Покиньте ничего нельзя сказать утвердительнаго.

Въ Италійскомъ языкѣ, кромѣ ново-Персидскихъ и Арабскихъ, находится еще нѣсколько сотъ словъ Славянъ Полабскихъ и Прибалтійскихъ. Первые, будучи тѣсными со стороны Нѣмецкаго моря Нѣмцами и вѣроятно Франками, выселились оттуда многочисленными дружинами и вмѣстѣ съ братьями своими Балтійцами (которые въ свою очередь тѣсными были въ Южной Скандинавіи отъ Шведовъ, а въ нынѣшней Даніи отъ Датчанъ) разрушили Западную Римскую имперію, отомстивъ Римлянамъ за пограбленіе правъ члѣовѣческихъ; завоевали Италію, Южную Галлію, Испанію и Сѣверную Африку. Эти молодецкіи дружины, предводимыя вождями (князьями), съ изъ удѣльною системою, съ наслѣдованіемъ княжескаго престола не отъ отца къ старшему сыну, а къ старѣйшему

*) Туземцы нынѣшней Персіи и малой Азіи были Славяне. Судьба ихъ была точно такая же какъ и въ Западной Европѣ. Всѣ они были разновременно истреблены напавшими Монгольскими и Татарскими ордъ, особенно Парсами. Отъ этого нынѣшній Персидскій языкъ имѣетъ въ себѣ слѣды языковъ всѣхъ этихъ народовъ, а къ тому и Арабовъ. Вообще у Магометанскихъ народовъ Арабскій языкъ составляетъ тоже самое, чѣмъ былъ нѣкогда Латинскій у народовъ Римско-Католическаго исповѣданія. Нынѣшній Персидскій языкъ почти также составилъ какъ и Французскій, хотя и при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ; таже ченуха и нескладница, тоже столпотвореніе Вавилонское; разница только та, что въ немъ словъ Манжурскихъ, Китайскихъ и словъ языковъ народовъ Сѣверо-Восточной Азіи, повидимому, нѣтъ чѣмъ во Французскомъ. Примѣчательно, что онъ сохранилъ нѣкоторыя формы языка Славянскаго, такъ въ немъ есть вспомогательный глаголѣ *быти*:

bûdamé,
bûdi,
bûdê,
bûdémé,
bûdédé,
bûdandé,
buda bâscham,
— *bâschî,*
— *bâschâd,*
— *baschem* и проч. (*Gramm. Persano*
de sir William Jones, Paris, 1845, стр. 42).

Это понятно и безъ перевода. Въ этомъ языкѣ сохранилось также много Славянскихъ словъ.

въ цѣломъ княжескомъ родѣ, съ ихъ общипнымъ устройствомъ и проч.—прошли на страницахъ исторіи Юго-Западной Европы какіи-то метеоромъ. По припятіи Римско-Католической вѣры и неразлучнаго съ нею Латинскаго языка, эти народы немедленно сливались съ завоеванными ими жителями и въ нѣсколько поколѣній забывали свой языкъ и даже ту страну, изъ которой вышли.

Послѣ сихъ предварительныхъ разысканій о Французскомъ языкѣ я уже смѣло обратился къ стаѣ Башкирскихъ и Киргизскихъ словъ, въ немъ паходящихся. Они ввели меня въ вѣчныя спѣга страны Коряковъ и Камчадаловъ и въ необозримыя Монгольскія и Маньчжурскія степи. Въ сихъ-то степяхъ и пустыняхъ искони обитаемыхъ дикими падло-лдными народами отвратительнѣйшихъ образинъ, гнуснѣе Киргизскихъ *): съ чуть вид-пѣющинися глазами, выдавшимися скулами, плоскими носами, людей, составляющихъ средній переходъ отъ челоуѣка къ обезьянамъ или къ какимъ-то особеннымъ звѣрямъ, я отыскалъ наконецъ старыхъ логовища, нѣкогда кочевавшаго милаго Франкскаго наро-да—и нашъ Левіаонтъ двинулся съ мѣста и сталъ стройно разсѣкать волны бурнаго Охотскаго моря. Я надѣюсь, что этотъ мой трудъ не есть послѣднее мое слово Фран-цузскому языку и что не разъ еще придется мнѣ разбирать его до ниточки **), а тогда не откажусь возлить въ честь его окончательнаго изслѣдованія „габалу (gobelet)“ ко-быльаго кумысу.

20-го Декабря, 1859 года.

М. Борзанинъ.

Источники, которыми я пользовался въ семъ сочиненіи по части языковѣдѣнія:

1. Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные доспичкою Всевы-сочайшей Особы, 2 ч. СПб., 1787.

2. Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 4 ч. СПб., 1790.

Оба эти словари составляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ касательно языковъ Си-бирскихъ туземныхъ народовъ. Но крайней мѣрѣ полнѣйшихъ сравнительныхъ словарей мы до сихъ поръ не имѣемъ. А дѣло зѣло вопиющее для науки. Что бы имѣть намъ на Русскомъ языкѣ, хотя бы первоначальные грамматики и словарчики чрезвычайно лю-бопытныхъ языковъ Чукотскаго, Камчадалскаго, Коряцкаго, Тунгусскаго, Ламутскаго и т. п. ***). Я пользовался этими сравнительными словарями, какъ никто изъ филоло-

*) Пласо-Каринни такъ описываетъ наружность Монголовъ (Собраніе путешествій къ Татарамъ С.П.В., 1825 г., стр. 71, 79): «Лицеиъ отличаются они отъ другихъ людей; ибо между глазъ и щекъ у нихъ шире, нежели у другихъ, а щеки очень скуласты. Татары (Монголы) безобразнѣе почти всѣхъ людей: лице у нихъ широкое, носъ плоскій и малый, глаза также малы, покрыты густыми рѣсницами такъ что открываются очень мало... рѣсницы поднимаются до бровей.... Женщины Татарскія (Мон-гольскія) весьма отвратительны». Сихъ-то людей и Батия видѣлъ Пласо-Каринни вскорѣ по обогрѣніи ими кровію нашего отечества и по разореніи Владиміра и Кіева. Далѣе онъ продолжаетъ: «Подобныхъ имъ леуноиъ къ другимъ людямъ, нѣтъ на свѣтѣ и почти никогда не услышишь отъ нихъ правды. Они чрезвычайно жадны и скуны. Удерживаютъ у себя все, а сами почти ничего не даютъ. Убивать дру-гихъ людей считается у нихъ почти ни за что.... Всѣхъ людей на свѣтѣ считают за скотовъ, *назы-вая только себя людьми* (а слѣдовательно другихъ *асарагами*). Пьянство считается у нихъ похваль-нымъ дѣломъ, если кто много выпьетъ, то тутъ же и блюеть (стр. 103).... Они ѣдятъ все, что толь-ко ѣсть могутъ: собакъ, волковъ, лисенцъ и лошадей, а по нуждѣ и мясо человѣческое. Мясо человѣ-ческое, какъ жареное, такъ и вареное, пожираютъ подобно лъвамъ.... а особливо любятъ ѣсть кошекъ.... Также ѣдятъ они мѣсто, выходящее изъ кобылы, когда она ожеребится. Мы видѣли, что они ѣдятъ даже швей и мышей (стр. 113)».....

**) Послѣ 1859 года я его пересмотрѣлъ еще два раза. Остается только разборъ грамматическій.

***) При составленіи подобныхъ грамматикъ и словарей наши филологи, Нѣмцы и Русскіе, впа-даютъ въ извѣстную филологическую слабость или странность: они прежде всего для каждаго поровня языка изобрѣтаютъ особенную азбуку, иногда такую причудливую, что не уступаетъ она какой ни-будь Монгольской. Эта слабость конечно извинительна со стороны труженниковъ: каждый изъ нихъ хо-четъ прослѣдить Славянскимъ Кирилломъ, изобрѣтателемъ нашихъ письменъ. Но для филологіи эти утонченности ни къ чему не ведутъ и не приносятъ ровню никакой пользы, а разбирать учебнымъ ихъ изобрѣтенія—сущее мученіе. Наша азбука есть богатѣйшая въ мірѣ и дополнить ее какими ни-будь дикими дребезжанщици, особыми звуками совѣтъ не слѣдуетъ. Дребезжащій или трескучій звукъ всегда можно выразить по нашей азбукѣ двумя согласными, а дикій гулъ сколько угодно гласными. Да и къ чему ведетъ такая утонченность? Каждую подобную особенность языка можно объяснить предварительно въ введеніи о произношеніи его буквъ. Кромѣ этого, надъсь должно еще пожалѣть и о тѣхъ опаженныхъ трудахъ ученыхъ Европейскихъ ориенталистовъ, которые издають грамматики и словари, не только языковъ Индѣйскихъ народовъ, но и другихъ, мало или совершенно еще неизвѣстныхъ, на карикюлахъ этихъ языками усвоившихъ, не прописывая послѣ нихъ ни Латинскими, ни Русскими буквами, какъ выговариваются эти слова. Видишь каракули и переводъ ихъ на такой-

въ гласную о или і и даже въ а и обратно. Въ слѣдствіе чего многія Латинскія слова, вошедшія во Французскій языкъ, подверглись этому правилу, наприим:

Латинскія:	Французскія:
Spissus—	épais,
sparsus	épars,
spinarium	épinards,
spina	épine,
spiculum	épinglo,
stamen	étamine;

Англ. span, Нѣм. spanne—Франц. span; Итал. sperone—Франц. éperon; Англ. stock, племя, родъ—Монгол. отокъ, племя, поколѣніе народа (Монгол. Слов. Шмидта, 59).

Если Французскій языкъ въ семь случаевъ отвергаетъ букву, s, обращая ее въ е, то напротивъ того Нѣмецкій полностью принимаетъ s или sch (ш); въ такомъ разѣ, точно такія же слова въ Восточныхъ Монгольскихъ нарѣчіяхъ превращаютъ эти самыя е, sch въ гласныя, какъ это можно видѣть ниже въ самомъ словарѣ.

Это тѣ основанія, которыми я руководился. Безъ нихъ нельзя мнѣ было далеко проникнуть въ свойства и образованія языковъ Монгольскихъ; безъ нихъ мой успѣхъ не былъ бы такъ удаченъ и значителенъ.

Нынешній мой трудъ есть живое преданіе о переселеніи различныхъ Монгольскихъ и Манчжурскихъ племенъ въ Западную Европу: оно именно начинается съ тѣхъ временъ, о которыхъ исторія молчитъ или говоритъ самымъ противорѣчащимъ и неопредѣленнымъ образомъ. Изъ ея свидѣтельствъ и выстѣ противорѣчій, *не имѣя главнаго основанія*, ничего нельзя вывести. А сіе-то основаніе и безъ помощи исторіи теперь находится передъ читателемъ. Да! дѣло говоритъ само о себѣ ясно, непротиворѣчно, а главное, неопровержимо. Здѣсь ужь всеразрушающаго заключенія: „быть можетъ и можетъ быть“ — не можетъ быть. Опровергните одно слово, а сотни другихъ неопровержимыхъ уничтожатъ всякое сомнѣніе. Тутъ должно имѣть дѣло не съ десятками, а съ тысячами словъ; подобный подвигъ будетъ напрасенъ и смѣшонъ, а болѣе недобросовѣстенъ. Исторіею мы можемъ вертѣть какъ угодно, но съ филологіею, какъ съ наукою точною, такъ управиться невозможно. Въ языкахъ народныхъ кроется истинная исторія ея происхожденія и образованія, но какъ взяться и съ какой стороны приступить къ нимъ безъ предварительныхъ знаній общихъ правилъ составленія рѣчи человѣческой, а потомъ частныхъ, по племенамъ, въ этомъ-то и задача состоитъ.

Здѣсь не могу пройти молчаніемъ „повѣсти“ о моемъ трудѣ. Нѣмецкій языкъ не представлялъ мнѣ никакого затрудненія: это простой сводъ языковъ Сибири или, лучше сказать, Монгольскихъ. Латинскія слова въ немъ приняты, а равно и Славянскія, которыя раньше первыхъ вошли въ него, мнѣ не трудно было отдѣлать: сихъ послѣднихъ не такъ много, а въ Шведскомъ и Англійскомъ языкахъ ихъ находится, повидимому, болѣе. Совсѣмъ другое дѣло мнѣ было съ Французскимъ языкомъ. Долго я не рѣшался его пересмотрѣть. Учился знаменитости его воздѣляли, излелѣяли, со всѣхъ четырехъ сторонъ осматрѣли, объяснили и поставили высоко на ходуля, приставивъ къ нему постоянную стражу изъ сорока академиковъ, которые, подобно стоокому Аргусу, защищаютъ его отъ всякаго дерзкаго нахала, который бы отважился поближе рассмотреть его и изобличить чванство и невѣжество, возведшихъ его на такую минно-недоступную для другихъ языковъ высоту; придумали ему, по утонченнымъ правиламъ лжи, самое благородное въ мірѣ происхожденіе, какого Калмыкамъ Клодіона и во снѣ не грезилося. По этому всякій смѣльчакъ, рѣшившійся разоблачить этотъ таинственнѣйшій, чуждый, по дѣломъ былъ бы осмѣянъ всѣмъ Парижемъ, слѣдовательно и пѣлымъ свѣтомъ. Но, окончивъ изслѣдованіе Нѣмецкаго языка и его нарѣчій, я увидѣлъ, что къ этой огромной рѣчкѣ, поглотившей Западныхъ Славянъ, не достаетъ еще одной важной рѣчки, именно Французскаго языка. На это изслѣдованіе еще тѣмъ болѣе я имѣлъ права, что сами же Французы, по извѣстному почему, производятъ предковъ своихъ Франковъ и ихъ языкъ отъ Нѣмцевъ. Объ этомъ знаютъ всѣ ихъ академики, а я рѣшительно этого производства не понимаю и не могу понять. Посему по праву ли или не по праву, по просьбѣ или не по просьбѣ, я взялъ словопроизводные словари Французскаго языка, и что же въ нихъ отыскалъ? Виѣсто настоящихъ изслѣдованій одну ложь, мишуру и пустословіе. Производство множества Французскихъ словъ отъ Греческаго языка есть сущая поэзія академиковъ, дѣтскія по-

брякушки. Незначительная Греческая колонія въ Марсели, чортъ знаетъ когда существовавшая, своимъ Ланнскимъ языкомъ вскружила головы составителямъ Французскихъ корнеслововъ. А развѣ у насъ на Югѣ Россіи мало было Греческихъ колоній? Онѣ столь же давно погибли какъ и Марсельская съ тою только разницею, что наши Русскіе ученые за нихъ не вѣѣлились и не производятъ Русскаго языка отъ языка посоленцевъ какой нибудь Ольвіи или Херсонеса Таврическаго. Французскій языкъ столько же обязанъ своимъ началомъ Греческому какъ и Камчадалскій. Затѣмъ Французскіе этимологи особенно ударяютъ на Латинскій языкъ: но съ нимъ тоже вышло, что и съ Греческимъ. Большая часть сихъ производствъ ложна. Теперь можно сравнить ихъ съ указаннымъ здѣсь настоящимъ источникомъ происхожденія коренныхъ Французскихъ словъ, и тогда можно убѣдиться, какъ легко ученые злоупотребляли довѣріемъ публики. За симъ слѣдуетъ третій отдѣлъ Французскаго словопроизводства, именно отъ такъ называемыхъ словъ Латинскаго языка среднихъ вѣковъ; эти слова составлены по большей части самими же Франками и почти всѣ происхожденія Калмыцкаго. Въ недавнее время Французы начали обращать вниманіе на слова, вошедшія въ ихъ языкъ изъ языковъ Турецкаго, Арабскаго и нынѣшняго мнимаго Персидскаго: по Пигану *) ихъ оказывается до семи сотъ, но еще не всѣ сосчитаны. Если изъ сего числа мы исключимъ 300 словъ, вошедшихъ въ новѣйшее время во Французскій языкъ, то собственно ему принадлежащихъ выйдетъ не болѣе 400: все таки это довольно значительное количество; къ тому же эти слова чисто коренныя, не заимств. Еще не имѣя у себя этого словарика г. Пигана, я началъ пересмотръ Французскаго словаря по свѣдѣн. Сначала я не могъ безъ смѣха просматривать Французскаго словопроизводства; за симъ удовлетворивъ свое любопытство, я скавалъ: вотъ сущее столпотвореніе Вавилонское; подобнаго смѣшенія ни въ одномъ на свѣтѣ языкѣ я не знаю; вотъ тотъ истолченный языкъ, который намъ навязываютъ съ дѣтства!

Прежде всего я разсмотрѣлъ Европейское его отдѣленіе: оно очень тѣсно, это припитылъ Латинскія слова, взятая частію по слѣнію Франковъ съ Римлянами, а частію отъ ихъ вѣковаго употребленія, и за тѣмъ осталшая часть его состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ словъ древняго Славянскаго языка, которыми говорили Галлы, туземцы нынѣшней Франціи, послѣ владычества Римлянъ въ конецъ добытые Франками за то, что не знали, какъ защитити себя и свое отечество. Отъ всего этого пересмотра Французскій языкъ, такъ сказать, не двинулся и на десятую часть и остался въ своемъ составѣ цѣль и невредимъ. Въ такомъ разѣ нужно было отправиться въ Сирію и въ Аравію: здѣсь дѣло пошло успѣшнѣе, а особенно при помощи Татарскаго языка Киргизскихъ степей. Это послѣднее обстоятельство мнѣ показалось странностію: какъ можно допустить въ благороднѣйшій языкъ въ мірѣ цѣлую орду Киргизскихъ и Башкирскихъ словъ! Но погодите: это только цвѣточки, а ягодъ еще нѣтъ. Въ негодованіи, я мысленно прогналъ эту дикую орду изъ Французскаго языка и принялся за языки мнимо-Персидскій и Арабскій; я рѣшился идти путемъ, проложеннымъ Французскими академиками.... При этомъ второмъ изслѣдованіи, я отыскалъ во Французскомъ языкѣ еще нѣсколько Персидскихъ и Арабскихъ словъ, которыя неизвѣстны были г. Пигану. Но дѣло на этомъ и остановилось: знаніе происхожденія и свойствъ Французскаго языка подвинулось опять на одинъ шагъ впередъ и не болѣе того. Это было для меня загадочно. Кажись, я сдѣлалъ все, что и другіе, и даже болѣе, а выводы труда моего вышли самые ничтожныя; хотя уже онъ и раздѣлился на четыре или на пять отдѣльныхъ языковъ, но главный изъ нихъ шестой, Французскій, остался нетронутымъ. Говорятъ, что языки Италіанскій, Испанскій, Португальскій и даже Французскій непосредственно происходятъ отъ Латинскаго; но откуда же въ нихъ явился *Арабскій членъ* (l'article)? Этотъ членъ рѣшительно извратилъ въ сказанныхъ языкахъ смыслъ Латинской грамматики, слѣдовательно и внутренней механизмъ Латинскаго языка до совершеннаго его познанія. Вѣдь подобный необыкновенный переворотъ въ языкѣ Римлянъ не могъ упасть на землю вмѣстѣ съ дождемъ, а имѣлъ единую, общую историческую причину. Вотъ что значитъ зарыться въ Греческіе и Латинскіе фоліанты, словари и грамматики, да и спать спокойно. Пора, пора господу пробудиться; полно-те возлегать на чужихъ лаврахъ!

Извѣстно, что во времена Римской имперіи Италія была раздроблена на множество помѣстій, принадлежавшихъ знатнымъ патриціямъ или Римскимъ гражданамъ; эти помѣстья были не то, что Греческія колоніи, въ которыхъ жили свободные граждане, а

*) Glossaire des mots Français tirés de l'Arabe, du Persan et du Turc, par Pihan. Paris, 1847.

населены были сплошь рабами-военнопленными или ихъ потомками, или же купленными рабами, которыхъ преимущественно привозили, какъ стада овецъ, изъ Африки и Сиріи, а въ высшей степени это повторялось послѣ ваятія Кароагена и огромныхъ завоеваній въ Азіи. Тогда въ этихъ помѣстьяхъ были собственно Римляне только прикащиками и дозорщиками рабовъ, а главное ихъ населеніе состояло изъ Арабовъ и Сирійцевъ, народовъ тоже Сибирско-Монгольскаго происхожденія. Въ этихъ-то помѣстьяхъ между повелителями и рабами необходимо долженъ былъ составиться условный языкъ, въ родѣ того, какой у насъ употребляютъ въ Кяхтѣ Русскіе купцы при сношеніи съ Китайцами или Русскіе промышленники при сношеніи съ Сибирскими полудикими народами. Такъ какъ Арабское населеніе Италіи далеко превышало малочисленное и разсѣянное тамъ и сямъ Римское, то, разумѣется, въ теченіи вѣковъ, составилъ смѣшанный языкъ; въ немъ слова, какъ основатели и представители языка, остались по большей части Латинскія, а грамматическія его формы, какъ двигоприятеля мысли члѣовѣка, упали на долю рабовъ или исполнителей.

Точно на такихъ основаніяхъ Римляне заселили Иберійскій полуостровъ и Галлію: туземцы сихъ странъ (Славяне) частью обращены были въ рабство, а частью постепенно выживались изъ своего отечества и въ послѣдствіи совершенно уничтожились. Такъ образовался и нынѣшній Французскій языкъ въ своихъ грамматическихъ формахъ, по съ особенными Калмыцкими, Манжурскими, Китайскими и другими приностями. Дикіе Франки не могли совершенно сохранить свой языкъ и смѣшали его съ условнымъ языкомъ Римскихъ рабовъ; этому много способствовало всеобщее введеніе у нихъ тогдашняго Латинскаго языка. Такъ точно образовался подобный же смѣшанный народъ Валахи или Румыны. Языкъ ихъ имѣетъ тотъ же Арабскій членъ, но нѣсколько измѣненный, а въ самомъ составѣ его замѣтно большое вліяніе языка Парскаго (мнимо-Персидскаго, Монголо-Татарскаго) *). Что же касается до члена Нѣмецкаго языка *der*, то это есть Монгольское и виѣстѣ Манжурское *tere*, *этотъ*, *сей*, *тотъ*; членъ Англійскаго языка *the* = *ta*, *оуъ*, *она*; *это*, *сіе*, по Китайски (*Rochet*, 109); *эде*, *они*, *сін*, по Монгольски (*Шмидтъ*, 33). Я полагаю, что на крайнемъ Востокѣ Сибири или по р. Амѹру находится племена Манжурскія или Монгольскія, которыя въ своемъ языкѣ тоже употребляютъ членъ. Но-кажѣтъ ничего нельзя сказать утвердительнаго.

Въ Италійскомъ языкѣ, кромя ново-Персидскихъ и Арабскихъ, находится еще нѣсколько сотъ словъ Славянъ Полябскихъ и Прибалтійскихъ. Перые, будучи тѣсными со стороны Нѣмецкаго моря Нѣмцами и вѣроятно Франками, выселялись оттуда многочисленными дружинами и виѣстѣ съ братьями своими Балтійцами (которые въ свою очередь тѣсны были въ Южной Скандинавіи отъ Шведовъ, а въ нынѣшней Даніи отъ Датчанъ) разрушили Западную Римскую имперію, отомстивъ Римлянамъ за поправіе правъ человѣческихъ; завоевали Италію, Южную Галлію, Испанію и Сѣверную Африку. Эти молодецкіи дружины, предводимые волхвами (князьями), съ изъ удѣльною системою, съ наслѣдованіемъ княжескаго престола не отъ отца къ старшему сыну, а къ старѣйшему

*) Туземцы нынѣшней Персіи и малой Азіи были Славяне. Судьба ихъ была точно такая же какъ и въ Западной Европѣ. Всѣ они были разновременно истреблены нашествіями Монгольскихъ и Татарскихъ ордъ, особенно Парвами. Отъ этого нынѣшній Персидскій языкъ имѣетъ въ себѣ слѣды языковъ всѣхъ этихъ народовъ, а къ тому и Арабовъ. Вообще у Магометанскихъ народовъ Арабскій языкъ составляетъ тоже самое, чѣмъ былъ некогда Латинскій у народовъ Римско-Католическаго исповѣданія. Нынѣшній Персидскій языкъ почти также составилъ какъ и Французскій, хотя и при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ; таже чепуха и нескладница, таже столпотвореніе Вавилонское; разница только та, что въ немъ словъ Манжурскихъ, Китайскихъ и словъ языковъ народовъ Сѣверо-Восточной Азіи, повидимому, менѣе чѣмъ во Французскомъ. Примѣчательно, что онъ сохранилъ нѣкоторыя формы языка Славянскаго, такъ въ немъ есть вспомогательный глаголъ *бытъ*:

būdamé,
būdi,
būdé,
būdéme,
būdéde,
būdandé,
buda bāscham,

— *bāschī,*

— *bāschād,*

— *baschom* и проч. (*Gramm. Persane*
de sir William Jones, Paris, 1845. стр. 42).

Это понятно и безъ перевода. Въ этомъ языкѣ сохранилось также много Славянскихъ словъ.

въ цѣломъ княжескомъ родѣ, съ ихъ общиннымъ устройствомъ и проч.—прошли на страницахъ исторіи Юго-Западной Европы какимъ-то метеоромъ. По принятіи Римско-Католической вѣры и перазлучнаго съ нею Латинскаго языка, эти народы немедленно сливались съ завоеванными ими жителями и въ нѣсколько поколѣній забывали свой языкъ и даже ту страну, изъ которой вышли.

Послѣ сихъ предварительныхъ разысканій о Французскомъ языкѣ я уже смѣло обратился къ стаѣ Башкирскихъ и Киргизскихъ словъ, въ немъ находящихся. Они ввели меня въ вѣчные свѣта страны Коряковъ и Камчадаловъ и въ необозримыя Монгольскія и Манжурскія степи. Въ сихъ-то степяхъ и пустыняхъ искони обитаемыхъ дикими падло-ядными народами отвратительнѣйшихъ образинъ, гнуснѣ Киргизскихъ *): съ чуть виднѣющимися глазами, выдавшимися скулами, плоскими носами, людей, составляющихъ средній переходъ отъ человѣка къ обезьянамъ или къ какимъ-то особеннымъ звѣрямъ, я отыскалъ наконецъ старыя логовища, нѣкогда кочевавшаго милаго Франискаго народа—и нашъ Левіаганъ двинулся съ мѣста и сталъ стройно разсѣкать волны бурнаго Охотскаго моря. Я надѣюсь, что этотъ мой трудъ не есть послѣднее мое слово Французскому языку и что не разъ еще придется мнѣ разбирать его до ниточки **), и тогда не откажусь возлить въ честь его окончательнаго изслѣдованія „габалу (gobelot)“ кобыльаго кумысу.

20-го Декабря, 1859 года.
М. Перевалъ.

Источники, которыми я пользовался въ семъ сочиненіи по части языковѣдѣнія:

1. Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные дессницею Всевысочайшей Особы, 2 ч. СПб., 1787.

2. Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, 4 ч. СПб., 1790.

Оба эти словари составляютъ драгоценнѣйшій матеріалъ касательно языковъ Сибирскихъ туземныхъ народовъ. Но крайней мѣрѣ политѣйшихъ сравнительныхъ словарей мы до сихъ поръ не имѣемъ. А дѣло зѣло вопиющее для науки. Что бы имѣть намъ на Русскомъ языкѣ, хотя бы первоначальные грамматики и словарчики чрезвычайно любопытныхъ языковъ Чукотскаго, Камчадалскаго, Коряцкаго, Тунгузскаго, Ламутскаго и т. п. ***). Я пользовался этими сравнительными словарями, какъ никто изъ филоло-

*) Илано-Карини такъ описываетъ наружность Монголовъ (Собраніе путешествій къ Татарамъ С.П.В., 1825 г., стр. 71, 79): «Лицемъ отличаются они отъ другихъ людей; ибо между глазъ и щекъ у нихъ шире, нежели у другихъ, а щеки очень скуласты. Татары (Монголы) безобразнѣе почти всѣхъ людей: лицо у нихъ широкое, носъ плоскій и малый, глаза также малыя, покрытыя густыми рѣсницами такъ, что открываются очень мало... рѣсницы поднимаются до бровей... Женщины Татарскія (Монгольскія) весьма отвратительны». Сихъ-то людей и Батыя видѣлъ Илано-Карини вкормѣ по обратненіи мнѣ кровлю нашего отечества и по разореніи Владиміра и Кіева. Далѣе онъ продолжаетъ: «Подобныхъ ихъ згунювъ къ другимъ людямъ, нѣтъ на свѣтѣ и почти никогда не услышишь отъ нихъ приды. Они чрезвычайно жадны и скуны. Удерживаютъ у себя все, а сами почти ничего не даютъ. Убивать другихъ людей считается у нихъ почти ни за что.... Всѣхъ людей на свѣтѣ считаютъ за скотовъ, *называя только себя людьми* (а слѣдовательно другихъ *варварами*). Пьянство считается у нихъ похвальнымъ дѣломъ, если кто много выпьетъ, то тутъ же и блюеть (стр. 103).... Они ѣдятъ все, что только ѣсть могутъ: собакъ, полкавъ, лисецъ и лошадей, а по нуждѣ и мясо человѣческое. Мясо человѣческое, какъ жареное, такъ и вареное, пожираютъ подобно лвамъ.... а особливо любятъ ѣсть кошекъ.... Также ѣдятъ они лѣсто, выходящее изъ кобылы, когда она ожеребится. Мы видѣли, что они ѣдятъ даже швей и мышей (стр. 113)».....

**) Послѣ 1859 года я его пересмотрѣлъ еще два раза. Остается только разборъ грамматическій.

**) При составленіи подобныхъ грамматикъ и словарей наши филологи, нѣмцы и Русскіе, впадаютъ въ нѣвѣстную филологическую слабость или странность: они прежде всего для каждаго поровня языка изобрѣтаютъ особенную азбуку, иногда такую причудливую, что не уступаетъ она какой нибудь Монгольской. Эта слабость конечно извинительна со стороны тружениковъ: каждый изъ нихъ хочетъ прослать Славянскимъ Кирилломъ, изобрѣтателемъ нашихъ письменъ. Но для филологівъ эти утонченности ни къ чему не ведутъ и не приносятъ ровно никакой пользы, а разбирать ученыхъ ихъ изобрѣтенія—сущее мученіе. Наша азбука есть богатѣйшая въ мірѣ и дополнить ее какими нибудь дикими дребезжанинами, особыми звуками совѣсть не слѣдуетъ. Дребезжащій или трескучій звукъ всегда можно выразить по нашей азбукѣ двумя согласными, а дикій гулъ сколько угодно гласными. Да и къ чему водить такая утонченность? Каждую подобную особенность языка можно объяснить предварительно въ введеніи о пропущеніи его буквъ. Кромѣ этого, вѣдь должно еще пожалѣть и о тѣхъ знаменитыхъ трудахъ ученыхъ Европейскихъ ориенталистовъ, которые издають грамматики и словари, не только языковъ Индѣйскихъ народовъ, но и другихъ, мало или совершенно еще намъ неизвѣстныхъ, на каракуляхъ этихъ языками усвоенныхъ, не прописывая послѣ нихъ ни Латинскими, ни Русскими буквами, какъ выгопариваются эти слова. Видишь каракули и переводъ ихъ на такой-

говъ. Они послужили мнѣ основною во всѣхъ моихъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ. Сими словарями Россія положила первое основаніе сравнительнаго языкознанія, отвергнувъ каракули ученыхъ.

Со времени изданія ихъ прошло болѣе семидесяти лѣтъ. Много послѣ того произошло переи́мъ въ быту и даже въ языкахъ Сибирскихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, на прим. Аринцы, по своей малочисленности, совсѣмъ исчезли. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ памятники подобныхъ языковъ, въ этихъ словаряхъ сохраненные. Что же касается до словъ языковъ Западной Европы, каковы Цолътскій, Бретанскій, Ирландскій, Шотландскій и друг., то я ихъ писалъ точно такъ, какъ въ тѣхъ словаряхъ они напечатаны Русскими буквами. Я не передѣлалъ и не измѣнилъ ни одной буквы нашей азбуки, принявъ одно только придыхательное Латинское *h*, которое въ сихъ словаряхъ означено чрезъ букву *г* съ двумя на верху точками. Всѣ Азіятскія слова, которыхъ источники не означенъ въ скобкахъ, взяты прямо мною изъ сихъ Сравнительныхъ словарей.

3. *Asia polyglotta*, von Julius Klaproth. Paris, 1823.

Слова, отмѣченныя у меня звѣздочкою *, означаютъ, что они взяты прямо изъ словопроизводства Клапрота.

4. Монгольско-Нѣмецко-Россійскій словарь, сост. Я. Шмидтомъ. СПб., 1835.

5. Монгольско-Русско-Французскій словарь, сост. Осипомъ Ковалевскимъ, Казань, 1844, 3 т.

Въ Монгольскомъ языкѣ я не держался буквально его выговора: *кгэ*, *кги*, *э* и *у*. Да это вовсе не важно. *Кгэ* пишу какъ *кэ*, *э* иногда какъ *е*, гласную *у*, нерѣдко пишу по Калмыцкому выговору, какъ Французское *и*, потому что такъ преимущественно его выговариваютъ Французы. Благосклонному вниманію и руководству къ моимъ занятіямъ по Монгольскому языку я обязанъ Е. Пр. Ос. Мих. Ковалевскому, въ чемъ приношу ему искреннюю благодарность.

6. Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка, соч. А. Бобровникова. Казань, 1849.

7. *Dictionnaire Tartare-Mantchou-François*, par M. Amyot, missionnaire à Pékin. Paris. 1789, 3 т.

8. *Elémens de la grammaire Mandchoue*, par N. Conou de la Gabelentz. Altonbourg, 1832.

Уточненности выговора Маньчжурскаго языка у меня не всегда передаются по всей точности требованій ориенталистовъ. Повторяю: эти точности выговора вовсе не нужны въ сравнительномъ языкознаніи: если всѣ согласныя и гласныя, какого бы то ни было языка, передаются просто, безъ затѣй, то это еще лучше. Для избѣжанія придиорокъ по этому предмету, я привожу Маньчжурскія слова Латинскими иероглифами точъ въ точъ, какъ они написаны самимъ Амютомъ. Въ Маньчжурскомъ языкѣ для означенія глаголовъ употребляется окончаніе *mbi* (выгов. *ми*); оно собственно есть окончан. настоящаго времени изъявит. наклоненія: въ словарѣ я его означаю какъ *окопч.* неопред. наклоненія (Amyot, I, XXXI).

9. *Dictionnaire Chinois Français et Latin*, publié d'après l'ordre de sa majesté l'empereur et roi Napoléon le grand; par M. de Guignes, Paris, 1813.

10. *Manuel pratique de la langue Chinoise vulgaire*, par Louis Rochet. Paris, 1846.

то Европейскій языкъ, и больше ничего: темная вода во облацѣхъ небесныхъ! Французскіе ориенталисты болѣе снисходительны для этого къ публикѣ: они по большей части всегда прописываютъ чтеніе этихъ Азіятскихъ или Африканскихъ буквъ Латинскими литерами. Польза та, что всѣ могутъ этими трудами пользоваться. И въ правду, для чего же они должны мѣшкаться, какъ не для этого. Требовать отъ каждаго филолога, чтобы онъ могъ разбирать и читать эти каракули самъ—это значитъ отнять нѣсколько лѣтъ изъ его жизни для простаго только изученія кружечковъ и палочекъ. Пора бы уже намъ оставить это школьное уваженіе къ такому множеству варварскихъ алфавитовъ, и потому необходимо нужно прописывать каждое слово, въ подобныхъ языкахъ, Европейскими буквами: я говорю это о грамматикахъ и словаряхъ; послѣдніе должны быть еще непремѣнно распределены по порядку алфавитовъ Латинскаго или Русскаго и съ указателями. Вѣдь не для однихъ будущихъ переводчиковъ они издаются; иногда нужны бываютъ и для путешественниковъ, торговцевъ и проч. Я выписалъ Японскій словарь Зибольда за 60 рублей, и что же въ немъ отыскалъ? Однѣ каракули въ родѣ Китайскихъ. Сомнительно, чтобы ихъ читалъ и самъ Зибольдъ. Мы имѣемъ подобные же словари Японскаго и Тибетскаго языковъ, но ни Японцы, ни Тибетцы не прочитаютъ нашего перевода, ни мы ихъ не сможемъ. Про то первій знаетъ. Это похоже на то, еслибъ для каждой науки, для каждаго знанія употреблялся особый алфавитъ. А еще было бы учено, если бы каждый литераторъ изобрѣталъ для себя отдѣльную азбуку.